

Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, крестнымъ сыномъ племянникомъ, дочерью—одна изъ самыхъ популярныхъ былинъ русскаго богатырскаго эпоса. Въ печати извѣстенъ 21 пересказъ этой былины; моя поѣздка и А. Д. Григорьева на Бѣлое море въ 1899 г. прибавила къ этому количеству еще 7 новыхъ записей ¹⁾ Изъ 28 извѣстныхъ мнѣ вариантовъ 12 приходятся на Олонецкую губернію, 10 на Архангельскую, 2 на Сибирь, 3 на Симбирскую губернію и одинъ на Воронежскую ²⁾. О популярности этой былины свидѣлствуетъ также то, что ея сюжетъ, съ небольшими измѣненіями, является въ цѣломъ рядѣ другихъ былинъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ довольно близкіе варианты основнаго сюжета: бой Ильи съ Алешей Дородовичемъ ³⁾, Жидовиномъ, молодцемъ изъ Задонской земли (моя запись); въ другихъ замѣтна болѣе сильная переработка; таковы—о боѣ Ильи съ Добрыней, Добрыни съ Дунаемъ (моя запись) или съ Алешей ⁴⁾, Добрыни съ сыномъ ⁵⁾, Саура Леванидовича съ сыномъ, о королевичахъ изъ Крякова, о братьяхъ Дородовичахъ. Насколько интересовала былина объ Ильѣ Муромцѣ и его сынѣ народъ, настолько же

---

¹⁾ 3 мои и 4 г. Григорьева; всѣ эти записи войдутъ въ печатающійся теперь сборникъ „Бѣломорскихъ былинъ“.

²⁾ Изъ Вологодской губ. извѣстенъ крайне сокращенный и искаженный провансескій пересказъ этой былины: Сборникъ свидѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ ред. Харулина, II, 170, № 3. (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI, в. 1).

³⁾ Гильбердинъ, № 250.

⁴⁾ Ib., № 49, первая половина.

⁵⁾ Ib., № 65, тоже; Рыбниковъ, III, 79—81

вопросъ объ ея происхожденіи заинтересовалъ изслѣдователей русскаго народнаго эпоса. Буслаевъ, Орестъ Миллеръ, академикъ Веселовскій, проф. В. Θ. Миллеръ, проф. Халанскій удѣлили этой былинѣ значительное количество страницъ въ своихъ работахъ по русскимъ былинамъ. Отличительною чертою всѣхъ изслѣдованій этой былины является то, что они останавливались преимущественно на сюжетѣ ея, такъ или иначе объясняя его появленіе на русской почвѣ, и почти не затрогивали вопроса о національной переработкѣ его—откуда бы онъ ни попалъ на эту почву,—иначе сказать, вопроса о мѣстѣ и времени сложенія русской былины.

Сколько мнѣ извѣстно, только два изслѣдователя коснулись, и то слегка, исторической основы обстановки, при которой совершается столкновение Ильи съ сыномъ; это именно—пограничная застава, на которой стоятъ русскіе богатыри во главѣ съ Муромцемъ. Г. *Квасининъ-Самаринъ*¹⁾ видѣлъ въ этой заставѣ южныя степныя укрѣпленія временъ князя Владимира, которыя состояли изъ тына, тянувшагося непрерывною цѣпью между городками и охраняемаго постоянной стражей. Проф. *Владимировъ*²⁾ для объясненія богатырской заставы приводитъ лѣтописныя извѣстія о „княжескихъ стоянкахъ съ полками на границѣ съ половецкимъ полемъ по цѣлому лѣту (1192—3 гг.), чтобы стеречи землю Русскую“. Какъ южныя степи, говоритъ онъ далѣе, еще въ XIV—XVII вв. сохраняли дотатарскія преданія въ географическихъ названіяхъ и обычаяхъ сторожевой службы, такъ былины сохранили память о „боевой жизни въ полѣ Половецкомъ, на заставѣ противъ степняковъ“. Но какъ мѣстныя степныя названія, приводимыя авторомъ (сторожа Святогорская, сторожи въ полѣ), такъ и специальный терминъ для обозначенія защиты русскихъ границъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ „сторожевая служба“ не имѣютъ прямого отношенія къ былинѣ, въ которой говорится

1) „Бесѣда“ 1871 г., V, 234—5. Указаніе его принимаетъ и проф. А. *Соболевскій*, прибавляя, что „сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ Муромо-Рязанской землѣ, также граничившей со степью“ („Живая Старина“, г. II, 1892, вып. II, 121, прим. 2). О „сторожевыхъ пограничныхъ станкахъ“ въ X—XIV вв., какъ объ исторической основѣ богатырской заставы, упоминалъ также Л. *Майковъ*: О былинахъ Владимірова цикла, 79.

2) Введеніе въ Исторію Русской Словесности, 217, 221—2.

о заставѣ, а не о сторожахъ. До насъ дошло значительное количество официальныхъ указовъ, доношеній и росписей, относящихся къ сторожевой службѣ на стеной украинѣ Московскаго государства (второй половины XVI в. и XVII в. ¹⁾), и ни въ одномъ изъ этихъ документовъ слово *застава* даже не упомянуто. Съ другой стороны, если предположить, что наша былина возникла въ южныхъ степяхъ въ московскую эпоху, то было бы болѣе чѣмъ странно видѣть атамана городовыхъ казаковъ, станичную голову въ лицѣ Илыи Муромца, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ заступившимъ ему дорогу станичникамъ, что даже не сталъ съ ними биться и не принялъ ихъ „въ холопство вѣковѣчное“, назвавши ихъ ворами-разбойниками, плутами-подорожниками ²⁾. Впрочемъ, въ отдельныхъ вариантахъ былины о боѣ Илыи Муромца нетрудно замѣтить наслоенія эпохи XVI—XVII вв., черты казачкаго быта. Такъ, иногда Илыя называется донскимъ казакомъ ³⁾ и атаманомъ ⁴⁾; на заставѣ является податѣманье ⁵⁾ и есаулъ ⁶⁾. Но основной изводъ былины возникъ не въ южно-русскихъ степяхъ и въ болѣе раннюю эпоху. Я постараюсь хотя бы приблизительно опредѣлить время и мѣсто возникновенія этого основного извода.

Дѣйствіе былины происходитъ на пограничной *заставѣ*; рассказъ о заставѣ открываются 6 пересказовъ Олонецкой губерніи, 6 пересказовъ Архангельской и 2 пересказа, записанные въ Воронежской и Томской губерніяхъ ⁷⁾; что упоминаніе заставы принадлежало первоначальному виду нашей былины, признаетъ и В. О. Миллеръ ⁸⁾. Историческая справка показываетъ, что это

¹⁾ „Чтенія въ И. О. Исторія и Древностей Росс.“ 1846, № 4: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства, *Бяляева*, стр. 11—7, 27—9, 46—54; *Источники*, стр. 5—86.

²⁾ *Киртеевскій* I, 20, 24, 40; VII, Доп., 8; *Рыбниковъ*, III, 40, 50; *Гильбердинъ*, №№ 221, 266, 271, 287, 291 и 305.

³⁾ *Рыбниковъ*, II, 345; запись г. Григорьева, № 8.

⁴⁾ *Киртеевскій*, I, 46=IV, 6; IV, 12; запись г. Григорьева № 1 и моя № 98.

⁵⁾ *Киртеевскій*, I, 46, 52.

⁶⁾ *Ibid*, 46; запись г. Григорьева, № 1.

⁷⁾ *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильбердинъ*, №№ 77, 246, 250, 265; *Киртеевскій* I, 7, 52; IV, 6, 12; VII, Доп., 1; запись г. Григорьева, №№ 1, 26; моя запись, № 98.

⁸⁾ *Экскурсы*, 138.

слово употреблялось преимущественно по отношенію къ отрядамъ, помѣщавшимся на литовской границѣ для защиты русскихъ областей. Въ первый разъ оно встрѣчается въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г., когда литовцы и ятвяги, напавшіе на Волынское княжество, встрѣтили тамъ заставу въ г. Уханяхъ; въ 1368 г. Ольгердъ и Кейстутъ по дорогѣ къ Москвѣ побили „московскую“ заставу на рѣкѣ Тростнѣ ¹⁾ (вѣроятно,—теперешняя Трошанка, правый притокъ Днѣпра, выше Друти). Замѣтимъ, что въ одномъ пересказѣ нашей былины ²⁾ (а также во вставкѣ отсюда въ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича ³⁾) заставка называется именно „Московскою“, причемъ противникъ Илья, въ данномъ случаѣ—его дочь, родомъ изъ Литвы. Упоминаются и литовскія заставы ⁴⁾: въ литовско-русской лѣтописи говорится о „Лядской заставѣ“, находившейся во второй половинѣ XIV в. въ Виленскомъ округѣ ⁵⁾; въ 1484 г. литовскій король для защиты своихъ владѣній отъ Москвы поставилъ въ Смоленскѣ заставу въ количествѣ 10 тысячъ человекъ, которая стояла почти цѣлый годъ ⁶⁾. Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе пограничныхъ заставъ для защиты Московскаго государства отъ татарскихъ набѣговъ; я могъ найти только два такихъ мѣста: въ 1468 г. московскій в. князь разослалъ заставы въ Муромъ, Нижній Новгородъ, Кострому и Галичъ ⁷⁾; въ 1528 г. упомянута заставка близъ Оки противъ крымскаго хана. Наконецъ, однажды заставой названо шведское войско, защищавшее въ 1496 г. Выборгъ отъ нападенія новгородцевъ ⁸⁾.

Посмотримъ теперь, гдѣ былины помѣщаютъ богатырскую заставу. Большинство вариантовъ (9) говорить, что она стояла

¹⁾ Срезневскій, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, I, 947.

²⁾ Рыбниковъ, I, 66=Гильфердинъ, № 77.

³⁾ Гильфердинъ, № 118=Кирьевскій, II, второе изд., 98.

⁴⁾ Между прочимъ и городскія: въ 1503 г. Витебску былъ данъ привилегій, которымъ приказывалось „въ заставу нигдѣ витѣблян не сажати“. Срезневскій I. с.

⁵⁾ Ученыя Записки Второго отд. И. Академіи Наукъ, кн. I, отд. III, 37.

⁶⁾ Срезневскій, I. с. Ср. въ одномъ пересказѣ у Кирьевскаго, IV, 12: „стояли за Кіевомъ по три года“.

⁷⁾ Полное собраніе русск. лѣтописей, VI, 187=VIII, 152=Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. VII, 4.

⁸⁾ Срезневскій, I. с.

около Кіева ¹⁾; два прибавляютъ: у Днѣпра или за Днѣпромъ ²⁾. МяѢ это приуроченіе, кажется слишкомъ эпическимъ, чтобы на него опереться: заставу во главѣ съ Ильей Муромцемъ, исконнымъ кіевскимъ богатыремъ, каждый пѣвецъ легко могъ перенести подѣ Кіевъ и даже помѣстить въ Кіевѣ или за три версты отъ города ³⁾, что по имѣетъ уже никакого смысла. Два пересказа ⁴⁾ помѣщаютъ заставу между Кіевомъ и Черниговомъ, двумя эпическими городами, вѣроятно, ничего не говорящими сознанию пѣвца. Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ три пересказа, записанные на Кѣнозерѣ ⁵⁾ и помѣщающіе заставу „на Латынской дорогѣ“. Что это за дорога? очевидно,—тотъ путь, которымъ приходили къ намъ западные купцы; пользуясь старыми извѣстіями, можно нѣсколько точнѣе опредѣлить этотъ путь. Не говоря о церковныхъ, напр., полемическихъ сочиненіяхъ, гдѣ „латинскимъ“ называлось все католическое, слово „латина“ употреблялось преимущественно или по отношенію къ иностранцамъ, приходившимъ по Двинѣ въ Полоцкую область и Смоленскъ, или по отношенію къ остзейскимъ нѣмцамъ ⁶⁾. Въ торговыхъ договорахъ 1229 и 1265 г. „латинскими гостями“ и „Латинскимъ языкомъ“ названы двинскіе купцы ⁷⁾; подѣ 1271—2 гг. „поганой латыной“ называются ливонскіе рыцари ⁸⁾; въ псковскомъ сказаніи о князѣ Довмонтѣ такъ названы нѣмцы и шведы, нападавшіе на Псковъ ⁹⁾. Латынская дорога упоминается и въ другихъ былинахъ объ Ильѣ Му-

¹⁾ *Киртескій*, I, 43 (=IV, 6), 12; *Рыбниковъ*, I, 75, 81 (=Гильбердинъ, № 46); II, 345; *Гильф.*, № 114; записи г. Григорьева, № 1, мая, № 98.

²⁾ *Киртескій*, I, 8; VII, Доп., 1.

³⁾ Записи г. Григорьева, № 1; *Рыбниковъ*, I, 75.

⁴⁾ *Киртескій*, I, 52; мая записи № 98.

⁵⁾ *Гильбердинъ*, №№ 246, 250 и 265.

⁶⁾ Латынскіе жеребцы упоминаются въ былинахъ о Чурилѣ: *В. Миллеръ*, *Очерки*, 194; *Рыбниковъ*, III 123—4; о Ставрѣ: *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, I, 54—6; латынскіе кони—въ двухъ былинахъ изъ Нижегородской губ.: *Киртескій*, I, 38; II, 93; латынскія сѣдла—въ былинѣ о Чурилѣ: *Рыбн.* I, 266.

⁷⁾ *Нанкерский*, Русско-ливонскіе акты, 430—3; Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, 4 „Латынскій языкъ“ для обозначенія народовъ, населявшихъ бассейны Балтійскаго моря, встрѣчается и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII в. *Аристовъ* *Промыш. древней Руси*, 200, 233.

⁸⁾ *Соевійскій Временникъ*, I, 284—5.

⁹⁾ П. С. Р. Л. V, 7, 51.

ромѣ, записанныхъ на Кенозерѣ, но въ эти былины она попала, несомнѣнно, изъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ: въ одной былинѣ ¹⁾ Латинская дорога упоминается въ связи съ богатырской заставой; въ другой ²⁾—она помѣщена между Кіевомъ и Царь-градомъ; въ третьей ³⁾—она ведетъ къ станичникамъ, которые, какъ извѣстно, оберегали южнорусскія степныя окраины. Важно отмѣтить, что въ записанной тамъ же былинѣ объ Ильѣ и Калинѣ богатырь бьется съ *татарами* на „дорожкѣ Латышчиной“ ⁴⁾, которая могла войти въ эту былину изъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ, а это довольно точно свидѣтельствовало бы о мѣстѣ дѣйствія послѣдней былины.

Лѣтописныя свидѣтельства о погравичныхъ заставахъ и указанія былины на Латинскую дорогу, какъ мѣсто ея дѣйствія, отводятъ насъ въ западно-русскія области; болѣе точныхъ указаній можно ожидать, если мы узнаемъ національность противника Ильи Муромца. Въ трехъ пересказахъ изъ Симбирской губ. ⁵⁾, крайне искаженныхъ и скомканныхъ въ 18—32 стиха, онъ опредѣленно называется „татарченкомъ-бусурманченкомъ; но это названіе могло быть приноровленіемъ къ эпической біографіи Муромца, постоянного врага татаръ, и такъ какъ оно встрѣчается лишь въ пересказахъ Симбирской губ., гдѣ татары до сихъ поръ хорошо знакомы населенію, его нельзя возводить къ основному изводу былины. Въ вариантѣ Воронежской губ. ⁶⁾ сынъ Ильи называется свою мать полькой. Орестъ Миллеръ ⁷⁾ понимаетъ это названіе не въ этнографическомъ смыслѣ: „думаю, говоритъ онъ, что *полька* тутъ—въ смыслѣ *полякующей*, поляницы“. Я не вижу основаній для такого предположенія; пѣвецъ могъ замѣнить, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, этимъ названіемъ другое, ставшее уже вепонятымъ. Подобныя замѣны встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: такъ, Густинская лѣтопись подъ 1106 г. вмѣсто Зимы-

¹⁾ Гильбердинъ, столб. 1136.

²⁾ Ibid., 1148.

³⁾ Ib., 1052.

⁴⁾ Ib., 1271.

⁵⁾ Кирьевскій, I, 2, 3, 5.

⁶⁾ Ibid., VII, Прил., 3.

⁷⁾ Илья Муромецъ и богатырство кіевское, 38—9.

голы поставила болѣе извѣстное литовское племя Жмудь ¹⁾. Такой же попыткой замѣнить старое ставшее непонятнымъ названіе другимъ, болѣе знакомымъ, можно считать производство дочери Ильи, съ которой онъ бѣется, изъ Литвы. Какъ я указалъ выше, это производство встрѣчается въ той единственной былинѣ, которая называется заставу „московскою“; эти названія могли войти въ былинку въ XIV—XV вв., въ эпоху усиленной борьбы Московскаго государства съ Литвою.

Какой же національности была та иностранка, отъ связи которой съ Ильей родился сынъ, впоследствии противникъ своему отцу? Чаше всего она называется *бабой Латыгоркой*, съ различными искаженіями, о которыхъ я скажу далѣе. Это названіе, какъ и многое другое въ нашемъ эпосѣ, до сихъ поръ оставалось неразъясненнымъ, несмотря на то, что оно интересовало многихъ изслѣдователей русскаго эпоса ²⁾. Одно изъ племенъ, неречисленныхъ Начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ, Лѣтьгола (теперь латыши), въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV, носить названіе Лотыголы и Латыголы; первая Псковская лѣтопись называетъ его подъ 1228 г. Латыгорой ³⁾ („Латыгору“—вин. пад.), подъ 1341 г. Лотыгорой и Латыгорой (имен. Латыгора и Лотыгори, род. Лотыгорей, вин. Лотыгору и Лотыгорѣ, твор. съ Лотыгорою, мѣстн. въ Лотыгорѣ); Никоновскій сводъ подъ 1341 г. упоминаетъ „Латигору“ ⁴⁾. Т. Бяленштейнъ (которому осталась неизвѣстна „Латигора“ Никоновской лѣтописи) склоненъ объяснять это *р тѣмъ*, что лѣтописецъ

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 287.

²⁾ Мнѣніе *Безсонова* въ замѣткѣ къ IV вып. пѣсенъ *Киреевскаго* и во II т. *Рыбникова* (стр. CVI); *Буслаева* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, т. XLI, стр. 29; академика *Весселовскаго* въ „Сборникѣ отдѣл. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“, т. XXXVI, № 3, стр. 337—8; *Ореста Миллера*—Илья Муромецъ и богат. киевское, 19, 26, 30.

³⁾ Проф. *Соболевскій* (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VIII, 1891 г., стр. 254) привлекаетъ эту форму къ объясненію не Латыгорки, но камня Латыря, въ которомъ онъ видитъ (предполагаемое) названіе одной изъ латышскихъ горъ, забывая о томъ, что Латырь составляетъ принадлежность апокрифической литературы и что въ былинѣ онъ попалъ изъ стиха о Голубиной книгѣ (см. вполнѣ убѣдительное объясненіе акад. *Весселовскаго*: Разысканія въ области русск. дух. стих. III—V, Спб. 1881, стр. 24).

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV, 178, 186; X, 213, см.

или тотъ, кто передавалъ ему извѣстіе, смѣшалъ названіе племени съ названіемъ одного мѣстечка въ Лифляндской губ., называвшагося въ XIII в. *Lethegore* (теперь латыш. *Lēdurga*, нѣм. *Loddiger* ¹⁾). Но 1) форму Латыгора мы находимъ въ разныхъ лѣтописяхъ и подъ разными годами; 2) *p* звучитъ до сихъ поръ въ названіи деревни Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда Латыгорева ²⁾ (отъ Латыгоръ, ср. въ лѣтописи множ. ч. Лотыгори), наряду съ *л* въ имени другого селенія, Могилевской губ., Сѣнинскаго у. Лотыголь ³⁾. На этихъ основаніяхъ въ этой формѣ нельзя видѣть что-нибудь случайное, и всего естественнѣе объяснять ее русской народной этимологіей, примѣры которой мы увидимъ далѣе въ различныхъ осмысленіяхъ „Латыгорки“.

Въ двухъ пересказахъ нашей быliny мы встрѣчаемъ наряду съ Латыгоркой другое названіе — Семигорка: „Семигорка, баба Владимерка“ или „Владимирка“ ⁴⁾. „Что такое Семиорка?, спрашиваетъ *Ор. Миллеръ* ⁵⁾: ошибкой ли тутъ число 7, или же этимъ намекается на какое-нибудь... *семиоріе*?“ Дѣйствительно, это названіе напоминаетъ Семигоры, село Кіевской губ. Каневского у., на р. Роси, существовавшее еще въ XVI в. ⁶⁾; но это село всегда было (мало)русскимъ, тогда какъ Семигорка - Латыгорка представляется иностранкой. Сопоставленіе этихъ двухъ именъ, какъ бы покрывающихъ одно другое, заставляетъ искать Семигорку среди литовскихъ племенъ. Въ Начальной лѣтописи созвучное съ нею племя носитъ названіе Зимголы, Зимголы, Зимголы; оно упоминается два раза при перечисленіи племенъ, а затѣмъ подъ 1106 г. ⁷⁾. Впослѣдствіи русскіе лѣтописи ничего не говорятъ о Зимиголѣ, и мы не знаемъ, какъ русскіе называли это племя въ XIII—XIV вв. Въ западныхъ источникахъ наряду съ формами, въ

¹⁾ *Bielenstein*, Die Grenzen des lettischen Volkstammes, и пр. St-P. 1892, стр. 53, 470, прим. 53.

²⁾ Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Сиб. 1862, стр. 127, № 4046.

³⁾ *Барсовъ*, Очерки русской историч. географіи, 344, 43.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, II, 349 (отъ Петра Корнилова); *Гильбердинъ*, № 114 (отъ Семена).

⁵⁾ *Ор. с.*, 27.

⁶⁾ *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Росс. вып. IV, 549.

⁷⁾ П. С. Р. Л. I, 2, 5, 120; V, 82, 84; VII, 20, 261, 264; IX, 2, 5, 140; XV, 18, 22; XVI, 8, и друг.

которыхъ звучить *z*, мы находимъ и формы съ *z*: въ латинскихъ хроникахъ и актахъ, относящихся къ XIII—XIV вв., постояннымъ написаніемъ является *Semigallia*, *terra Semgalle*, *Semigalli*, *Semigalliensis*¹⁾. Въ одномъ литовско-русскомъ актѣ 1588 г. упоминается „Семигальская земля“ (вмѣстѣ съ Жомойтской и Ифлянтской²⁾). Если эта форма была лишь мѣстнымъ, литовскимъ³⁾ названіемъ, все же она свидѣтельствуетъ о томъ, что позднѣ XII в. русскіе могли называть Зимиголу нѣсколько иначе: какъ Лѣтьгола Начальной лѣтописи въ послѣдствіи звучала какъ Лотыгола⁴⁾, Латыгола, Латыгора,—такъ и Зимигола могла называться Семиголой, что могло быть осмыслено въ „Семигору“. Объясняя такимъ образомъ „бабу“ нашей былины, я исхожу изъ предположенія, что въ основномъ изводѣ она называлась Латыгоркой-Семигоркой, причемъ слагатель былины смѣшивалъ эти два литовскія племени, къ чему былъ поводъ какъ въ ихъ сосѣдствѣ между собою, такъ и въ созвучіи названій. Совершенно аналогичное смѣшеніе мы находимъ въ былинѣ о Дунаѣ, гдѣ чахове-ляхове и король шаховинскій-ляховинскій⁵⁾ представляются людьми одной національности.

1) *Scriptores rerum Livonicarum* I. Riga und Leipzig. 1853. 52, 140, 296, и пр.; *Scr. rer. Prussicarum* II. Leipzig. 1863. 60, 141; *Bunge*, *Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch* I. Reval. 1853. 50, 223, 716 и пр.; II, Heft 7 Riga. 1873. 615, 629; *Bielenstein*, *op. c.*, 128 и слѣд., 447 и слѣд.

2) *Справкѣ*, Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, 289; *Bielenstein*, *op. c.*, 133.

3) И при этомъ—официально-стариннымъ, т. е. географическимъ названіемъ (полей, имѣній, округовъ) конца XVI в. показываютъ, что народнымъ названіемъ было —Же(й)мигола.

4) Этой формѣ соответствуетъ латинское написаніе *Letthigallia* (у Генриха Латыша подъ 1208: *Scriptores rerum Livonicarum*, I, 118, 122, 126), между тѣмъ какъ Лѣтьгола отвѣчаютъ формы: *Letgalli*, *Lettgallia*, нѣм. *Letgallen*, (ib., 96; *Scr. rer. Prussicarum*, II, 835; *Bunge*, *op. c.* II, Heft 7, стр. 745).

5) Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. I, стр. 72, прим. 4. Высказанная здѣсь мною догадка относительно тождества географическаго названія, встречающагося въ былинѣ о Василь-пьяницѣ, „Шахова-Якова“ съ землей Чаховой-Ляховой недавно подтвердилась. Въ вариантѣ той же былины, записанномъ А. Д. Григорьевымъ лѣтомъ 1900 г., соответствующее мѣсто читается такъ:

„Были мы (туры), матушка, во Шахови,
Во Шахови были да во Ляхови;
Во полночь де прошли да стольней Кіевъ-градъ“.

Теперь я нѣсколько остановлюсь на вариантахъ названій Латыгорки и Семигорки. Въ трехъ былинахъ, записанныхъ мною на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря ¹⁾, баба называется Латынгоркой (однажды пѣвецъ называлъ ее Латынкой) и въ одномъ пересказѣ помѣщается на Латынскихъ горахъ; этотъ пересказъ не упоминаетъ о заставѣ и, вопреки всѣмъ другимъ, начинается рассказомъ о самой бабѣ:

Шьто на тихъ было горахъ на Латыньскихъ жа,
Какъ у той же было бабы у Латынгорки
А какъ было у ей да-чадо милоѣ, и пр.

Если мы припомнимъ, что другіе пересказы открываются заставой, которая помѣщается, по нѣкоторымъ изъ нихъ, на Латынской дорогѣ, то нетрудно догадаться, что пѣвецъ осмыслилъ непонятное названіе болѣе знакомой ему латыной ²⁾, можетъ быть, заимствовавъ это слово изъ рассказа быliny о заставѣ на Латынской дорогѣ. Мезенскій пересказъ ³⁾ называетъ любовницу Ильи *Златмишкой* ⁴⁾. Сопоставленіе такой формы съ златомъ, золотомъ даетъ новое искаженіе: сынъ ея оказывается родомъ изъ Золотой орды ⁵⁾, при чемъ онъ въ то же время остается уроженцемъ „Западныхъ странъ“ или „Сиверной страны“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ олонцкихъ пересказахъ „баба“ называется Латымиркой, Влади-

¹⁾ №№ 70, 81 и 94; № 81 напечатанъ въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. О. Миллера“, подъ ред. Янчука, стр. 150.

²⁾ Латынская гора упоминается въ былинѣ о Каленѣ: *Гильбердинъ*, № 105. Ср. вышеупомянутую „дорожку Латышкину“.

³⁾ *Тихонравовъ и Миллеръ*, II, 114; здѣсь она названа также и *Златогоркой*.

⁴⁾ Названіе *Святмишки*, въ записи, сдѣланной г. Григорьевымъ въ 1900 г., объясняется сжѣщеніемъ со Святогоромъ и Святими горами.

⁵⁾ Сближеніе этихъ названій сдѣлано акад. *Веселовскимъ*: Сборникъ отд. Русск. яз. и слов. II. Акад. Наукъ, т. XXXVI, № 3, стр. 337.

⁶⁾ *Гильбердинъ*, №№ 226, 233 и 265. „Сиверная страна“ объясняется названіемъ Латыгорки въ этихъ былинахъ (а также въ № 219—*Рыбникъ*, III, 54) „Сиверьяничной“ (объясненіе этого имени я предлагаю далѣе); что же касается „Западныхъ странъ“, то, дѣйствительно, такъ называли прибалтійскія области. Въ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ говорится, что смотрѣть ва него приходилъ „вѣкто силеиъ отъ Западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божіи, (т.-е. рыцарь Ливонскаго или Тевтонскаго ордена) именемъ Андрѣяшъ“. И. С. Р. Л. V, 2.

меркой, Владимиркой ¹⁾. Что послѣднія двѣ формы явились путемъ осмысливанія первой, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но для объясненія „Латымирки“ приходится построить гипотетическую форму *Семирка, съ опущеніемъ го = ho, чему аналогіей могутъ служить формы: бла(го)словить, дай - (Го)споди ²⁾, Б(ог)уславъ, Черни(го)въ - градъ ³⁾, спасибо(гъ), фря(гъ). Семирка и Латыгорка, сопоставляемые въ былинѣ рядомъ, могли дать Латымирку. Варіантъ этой гипотетической формы *Семерка (изъ *Семегорка), основанный на чередованіи и и е въ формахъ: Зимгола—Зимъгола, Semigallen—Semegallen ⁴⁾, объяснилъ бы имя противника Ильи Муромца въ одномъ олонецкомъ пересказѣ—Семерчанинъ, по мѣстному говору и съ прибавленіемъ второго суффикса—Семерцаниновъ ⁵⁾. Акад. Веселовскій ⁶⁾ сопоставляетъ это названіе съ именемъ любовницы Муромца въ другихъ пересказахъ—Сиверьянична, при чемъ ф. „Семерцаниновъ“ считаетъ искаженіемъ ф. „Северцаниновъ“. Но въ такомъ случаѣ „баба“ оказалась бы „сѣверянкой“, жительницей русской области, что противно смыслу быliny. Въ виду этого нужно думать, что Сѣверьянична была осмысленіемъ непонятной *Семерчаничны, *Семерчанки (а можетъ быть и Семерчанина). Отъ названія племени Латыгора и человека этого племени латыгоръ (ср. указанныя географич. названія Латыгорева и Лотыголь) могли произойти формы какъ латыгорка, такъ и латыгоринка ⁷⁾. Къ послѣдней формѣ нужно возводить имя „бабы“ въ двухъ варіантахъ нашей быliny, гдѣ она называется Горыничкой и Горыничанкой ⁸⁾: въ длинномъ словѣ латыгоринка первая часть могла отпасть, а форма *горинка подпала вліянію словъ: Горыньскій, Горыничъ, Горынь. Проф. В. О. Миллеръ ⁹⁾, сопоставляя часть быliny со скифскимъ преданіемъ, при-

1) Рыбниковъ, I, 75; II, 345; Гильбердинъ, № 114.

2) Въ пѣснѣ, записанной для Ричарда Джемса. Ср. искаженіе изъ „сухая глава“ въ „сухойлова“: Ждановъ, Русскій былевой вѣсть, 240—1, 243.

3) Безсоновъ, Калѣны переходящія, II, 460.

4) Scriptorum rer. Livon. I, 333; Scr. rer. Prussic. II, 854.

5) Тихонравовъ и Миллеръ, II, 59.

6) Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. ССХІІ, отд. II, 195.

7) Первая—по образцу мордва—мордовка, чухна—чухонка; вторая—по образцу чудь—чудинка, русь—русинка, литва—литвинка.

8) Куртескій, I, 11; Рыбниковъ, I, 65.

9) Эскурсы, 120.

веденнымъ у Геродота, сравниваетъ бабу Горынинку съ дѣвицей-змѣей преданія; основаніемъ для такого сопоставленія служить то, что эпитетъ Горынича приданъ (въ былинѣ о змѣборствѣ Добрыни) змѣю и что, по одному пересказу, сынъ Ильи возить у стремени змѣю Горынскую ¹⁾. Но противъ этого можно привести два соображенія: 1) „баба“ не называется Горыничной; 2) съ именемъ Горыни связывается не только змѣй: Горыновичемъ величаютъ уральскіе казаки родную рѣку Яикъ ²⁾; есть рѣка Горынь, притокъ Припяти; въ сказкахъ встрѣчается великанъ Горыня, не имѣющій отношенія ни къ чему змѣиному ³⁾; въ прономѣ вѣкъ у малороссовъ было употребительно прозвище Гориня ⁴⁾.

Что касается имени любовницы Ильи Муромца, то въ большинствѣ пересказовъ его вовсе нѣтъ. Въ трехъ пересказахъ ⁵⁾ она носитъ эпическое имя „матерой вдовы“ Амелфы Тимошеевны; въ двухъ другихъ ⁶⁾ находимъ то же стереотипное имя, лишь искаженное: Федосья и Марья Тимошеевна. Встрѣчаются и другія имена „бабы“—Авдотья, Маринка ⁷⁾),—также весьма употребительныя въ русскомъ эпосѣ. Съ какимъ произволомъ подставляли пѣвцы первое попавшееся имя для именования безыменной Латыгорки, показываетъ тотъ фактъ, что одианъ и тотъ же пѣвецъ, сообщая былинѣ *Рыбникову* (I, 82) и *Гильфердингу* (№ 46), въ первомъ случаѣ вставилъ имя Настасьи, а во второмъ—Натальи.

Чтобы покончить съ личностью любовницы Ильи Муромца, остается объяснить нѣсколько странное, необычное названіе ея „баба“, которое принадлежало основному изводу былинны, такъ какъ оно встрѣчается въ пересказахъ: олонецкихъ, архангель-

1) Объясненіе этого страннаго образа, предложенное самимъ же В. О. Миллеромъ въ *Этнографич. Обзорѣнн*, кн. XIII (1892 г.), 119—20, устраняетъ это основаніе, признавая змѣю горынскую у стремени случайнымъ придаткомъ былинны. Акад. *Весселовскій* (ор. с., 315) называетъ этотъ придатокъ „нелѣпой амплификаціей“.

2) *Жельзновъ*, *Уральцы*, изд. 2, т. I, 37. Ср. *Сб. мат. для оп. м. и пл. Кавк.* VII, 119.

3) *Эрленсеймъ*, *Народныя сказки*; В. *Миллеръ*, *Очерки русской вар. словесности*, 385.

4) *Костромскія Епарх. Вѣд.* 1896, № 23, стр. 626.

5) *Кириевскій*, I, 52; IV, 12; запись г. Григорьева, № 26.

6) Записи г. Григорьева, № 1 и 4.

7) *Рыбниковъ*, I, 65; моя запись № 4.

скихъ и сибирскихъ ¹⁾. Этотъ терминъ не могъ быть приложенъ къ ней въ смыслѣ замужней женщины, такъ какъ она въ сущности замужемъ не была (встрѣча ея съ Ильей была случайная), и въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо называется дѣвицей ²⁾; смыслъ бабушки и повивальной бабки тоже къ ней не подходитъ. Остается одно старинное значеніе этого слова—ворожея, чародѣйка, волшебница ³⁾. Такое значеніе, дѣйствительно, подходитъ къ иностранкѣ, сумѣвшей завлечь своими чарами стараго казака, вообще неупадчиваго на женскую прелесть. Родившійся отъ такой связи сынъ воспринялъ отъ матери злобныя черты; онъ даже пытается убить своего родного отца, что ему не удастся лишь въ силу христіанства Ильи: его спасаетъ громадный грудной крестъ, отъ котораго отскочило оружіе (стрѣла, копье, сабля, рогатина, палица, кинжалъ или ножъ) его сына. *Срезневскій* ⁴⁾ сравниваетъ со значеніемъ бабы-ворожеи пословицу: надвое баба ворожила, и сказочныхъ бабу-барицу и бабу-ягу. Бабой-ягой названа и Латыгорка въ одной вставкѣ изъ нашей былины ⁵⁾. Слѣдовательно, олонечкіе сказители именно такъ понимали типъ любовницы Ильи. Замѣтимъ, что нѣкоторыя (не совсѣмъ удобныя для печати) подробности битвы бабы Латынгорки съ Добрыней ⁶⁾ напоминаютъ собою продолжки одной колдуньи въ 1648 г. ⁷⁾.

Перехожу къ сыну Ильи Муромца. Чаше всего онъ называется Подсокольнікомъ ⁸⁾ и Сокольнікомъ ⁹⁾, при чемъ въ двухъ пере-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 79; II, 349; *Гилбердинъ*, № 114; *Киртесскій*, I, 11; IV, 17; мои записи, №№ 70, 81 и 94. Это названіе сохраняется во вставкахъ эпизодовъ изъ нашей былины: *Кир.* I, 64; *Гильф.* №№ 228, 290, 292.

²⁾ *Гилбердинъ*, №№ 219 (= *Рыбн.* III, 54), 226, 233 и 246; зап. г. Григорьева, № 8.

³⁾ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, I, 35—7.

⁴⁾ *Ор. с.*

⁵⁾ *Гилбердинъ*, №№ 228, 290 и 292.

⁶⁾ Моя записъ № 81, напечатанная въ „Юбилейномъ сборникѣ“; см. стр. 156, стихъ 411; стр. 158, строки 14 и 15 сверху.

⁷⁾ *Этнографич. Обзоріе*, кн. XLIII, 112. Впрочемъ, ср. подобный эпизодъ изъ монгольской сказки сборника Шидди-куръ: *Этнографическій Сборникъ*, т. VI, 82.

⁸⁾ *Тихомировъ* и *Миллеръ*, II, 112; мои записи, №№ 4 и 70; зап. г. Григорьева, № 26.

⁹⁾ *Киртесскій*, I, 52; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гилбердинъ*, № 114. Объясненіе „Соловникова“ (*Рыбн.* I, 81= *Гильф.*, № 46) предложено акад. *Веселовскимъ*, *ор. с.*, 335.

сказахъ къ этому названію прибавлено поясненіе—охотникъ. Но какъ понимать эти термины? Въ старыхъ памятникахъ (съ 1267 г.) слово сокольникъ употребляется въ двухъ значеніяхъ — охотника за птицами и промышленника, добывающаго соколовъ для ловли птицъ ¹⁾. Былинный Сокольникъ ѣдетъ по полю съ соколомъ на плечѣ и охотничьей собакой у стремени; слѣдовательно, его нельзя понимать во второмъ смыслѣ. Ловцомъ птицъ является сынъ Ильи въ пересказахъ, называющихъ его „сокольникомъ“. Но почему ббольшая часть архангельскихъ пересказовъ ²⁾ именуется его *Подсокольникомъ*? Нельзя видѣть здѣсь простое искаженіе перваго названія, такъ какъ такое искаженіе невозможно вичѣмъ мотивировать. Эта форма напоминаетъ придворную должность *подсокольничаго*. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подсокольничій ³⁾ былъ непосредственнымъ начальникомъ надъ всѣми сокольниками, которыхъ, по свидѣтельству Котошихина, было около 100 человекъ; такъ какъ сокольники имѣли въ свою очередь помѣстья и вотчины, то должность ихъ начальника, несомнѣнно, была очень высокая. Такое же важное положеніе занимали въ Литовской землѣ сокольничіе ⁴⁾: одного изъ нихъ Ягайло ок. 1392 г. назначилъ намѣстникомъ въ Витебскъ ⁵⁾. Не знаю, была ли въ Литвѣ долж-

¹⁾ *Аристотель*, Промышленность древней Руси, 5, 12—14; 17, прим. 39; 301. О „сокольникахъ“—промышленникахъ упоминаетъ былина о Чуригѣ: *Киревскій*, IV, 80.

²⁾ Особенностью этихъ пересказовъ является болѣе сложное содержаніе: въ нихъ сынъ Ильи, прежде чѣмъ покуситься на его жизнь, убиваетъ свою мать. Этотъ эпизодъ, рисующій первобытную жестокость дикаго литвина, надо считать принадлежностью основного извода былинны. Акад. *Весселовскій* (ор. с., 819, 339) держится противоположнаго мнѣнія.

³⁾ Это званіе, замѣнившее собою прежній чинъ сокольничаго, упоминается въ спискѣ должностныхъ лицъ 1650 г. (*Кутеносъ*, Великокняжеская и царская охота на Руси, II, 267, 253). Его обязанности изложены въ „Урядникѣ сокольничья пути“.

⁴⁾ Первое извѣстіе о существованіи чина сокольничаго, начальника сокольниковъ, въ Московскомъ государствѣ относится ко времени Ивана III. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. V, гл. V, по второму изд. кн. I, 1516. Пѣвцы могли сдѣлать изъ (под)сокольничаго—(под)сокольника подобно тому, какъ Герберштейнъ называлъ околыничаго „околыникомъ“. *Ibid.*, гл. III, стр. 1678.

⁵⁾ *Данилевичъ*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, 175; Учен. зап. II отд. И. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 39: „Король приказа градъ Витебскъ соколыничу своему Феодору Весне, а князю Швитригану тогда сущу младу. И вача

ность подсокольничаго, но характерная частица *под* входила въ термины для обозначенія многихъ придворныхъ должностей въ Литовскомъ государствѣ: подскарбій, подкоморій, подчашій, под-
столий¹⁾. Конечно, нельзя говорить положительно о должностномъ смыслѣ Подсокольничка, такъ какъ наличность въ Литвѣ самаго названія подсокольничаго подвержена сомнѣнiю; но, вообще, о важномъ положенiи сына Ильи можно судить потому, что въ нѣ-
которыхъ пересказахъ онъ называется царевичемъ, королевичемъ²⁾ или правителемъ какого-то приморскаго города³⁾.

Въ большинствѣ пересказовъ Сокольникъ, какъ и его мать, не носитъ никакого имени. Въ 4 пересказахъ⁴⁾ онъ называется Борисомъ; у Кирши Данилова къ этому имени прибавлено еще другое—Збуть. Это имя не стоитъ одиноко въ нашемъ эпосѣ: въ одномъ пересказѣ былины о Хотѣнѣ⁵⁾ его отецъ названъ Збудомъ; въ одной сказкѣ, на мотивъ Пушкинскаго царя Салтана, имя дѣйствующаго въ ней царевича Збуда Збудовича объясняется тѣмъ, что онъ „имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сей-
часъ и *сбудется*“⁶⁾. Можно думать, что это имя попало въ Кир-
шевскую запись изъ подобной сказки только по связи понятiй царевича (въ сказкѣ) и королевича (въ былинѣ). Имена Соколь-
ника въ другихъ пересказахъ носятъ также совершенно случай-
ный характеръ; пѣвцы подставляли первое попавшееся имя: Петръ,
Кузьма, Василій, Аполонище, Алеша *Дородовичъ*, *Михайло* Дол-
гомеровичъ. Послѣднiя имена обязаны своимъ появленiемъ, въ-

Федоръ Веспа владети градомъ Витебскомъ и всею землею Витебскою со-
ветомъ и увазанiемъ короля Якагла“.

1) *Былягъ*, Исторiя Полотска, 356, 425, 442, 443. Соответственные русскiя
должности были: ключникъ, постельничiй, чашникъ и стольникъ.

2) *В. Миллеръ*, Эскурсы, 121—5.

3) Моя запись № 4.

4) *Киршевскiй*, I, 7, 11; *Рыбниковъ*, I, 65; моя запись № 94. Илья бьется
съ какииъ-то Борисомъ Козловымъ: *Кир.* I, 6; Борисомъ-королевичемъ овъ
называетъ себя въ одной былинѣ о первой повѣдкѣ: *Тихомировъ* и *Миллеръ*,
II, 2.

5) *Гилбердинъ*, № 282.

6) Этнограф. Обзорiе, кн. VII, 150, прим. Въ Тверской губ. есть двѣ
деревни, напоминающiя это имя: Збудово Весьёгонскаго у. и Себудово—Стариц-
каго (Тверская губернiя. Списокъ населенныхъ мѣстъ, 93, № 2895; 441). Ста-
рые памятники не сохранили для насъ этого имени, но извѣстно другое имя,
повидимому, того же корня—Сбыславъ. См., напр., П. С. Р. Л. X, 78, прим.

роятно, аналогичной былинь о братьяхъ Дородовичахъ, одного изъ которыхъ зовутъ Михайломъ ¹⁾).

До сихъ поръ я не упоминалъ о товарищахъ Ильи, которые стоятъ съ нимъ на заставѣ. Имена богатырей, которые упоминаются въ качествѣ товарищей Муромца, такъ разнообразны, самое ихъ упоминаніе настолько зависитъ отъ личныхъ симпатій пѣвцовъ и ихъ былинныхъ репертуаровъ, что нѣтъ возможности выдѣлить изъ богатырей тѣхъ, которые упоминались въ основномъ изводѣ былины. Но постояннымъ спутникомъ Ильи является Добрыня, котораго онъ посылаетъ предварительно сразиться съ Сокольниковъ; при этомъ Добрыня пугается вида и крика богатыря и ѣдетъ назадъ. Въ 5 пересказахъ ²⁾ Илья посылаетъ еще Алешу Поповича, котораго также пугаетъ Сокольникъ. Но введеніе этого третьяго лица нужно признать эпической амплификаціей, позднѣйшимъ сведеніемъ вмѣстѣ трехъ самыхъ популярныхъ богатырей, дѣйствующихъ вмѣстѣ во многихъ другихъ былинахъ; при томъ же о предварительномъ выѣздѣ противъ Сокольника *одного* Добрыни говорится въ громадномъ большинствѣ пересказовъ, именно въ 18. Дѣйствіе Добрыни въ основномъ изводѣ былины ³⁾ даетъ нѣкоторыя данныя относительно времени ея сложевія ⁴⁾. Добрыня, какъ богатырь, приуроченъ лѣтописью къ Липицкой битвѣ (1217 г.), при чемъ въ хронографѣ начала XVI вѣка ⁵⁾, въ Никоновской лѣтописи ⁶⁾ и въ одномъ сводѣ, доведенномъ до 1533 г.

¹⁾ Гильбердинъ, №№ 247 и 252.

²⁾ Киртевскій, I, 7, 46(=IV, 6). Рыбниковъ, I, 66=Гильбердинъ, № 77; Тихомировъ и Миллеръ, II, 109; моя записъ № 70.

³⁾ Что признаетъ и В. О. Миллеръ: Экскурсы, 138.

⁴⁾ Упоминаніе о тѣльномъ крестѣ Ильи, находящемся въ огромномъ большинствѣ пересказовъ, не даетъ определенныхъ хронологическихъ указаній, такъ какъ такіе кресты носили еще въ XI и XII вв., о чемъ свидѣлствуетъ разсказъ о волхвахъ, помѣщенный въ лѣтописяхъ подъ 1071 г. У Ильи крестъ былъ золотой (Жир. I, 4, 6; Рыбн. II, 351; Гильф., № 114; моя записъ, № 4 и 70); ср. въ лѣтописи подъ 1147 г.: „крестъ и чепи въ гривну золота“. Срезневскій, оп. с., I, 1347.

⁵⁾ Востокъ. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, 751, гл. 195: у Константина Всеволодовича „два храбра: Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

⁶⁾ П. С. Р. Л. X, 70: „Съ нимъ же (ростовскимъ княземъ Константиномъ) бѣ и два храбра: Добрыня Златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славныа богатыря“.

и впоследствии продолженномъ до 1680 г.¹⁾, онъ названъ старымъ терминомъ „храбръ“. Въ т. н. Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, доведенномъ до 1598 г., рассказъ о Добрынѣ и Александрѣ Поповичѣ подновленъ, и они называются здѣсь „богатырями“²⁾; составителями лѣтописнаго свода 1533 года выраженіе „два храбра“ было не понято, и изъ него они сдѣлали „два храбра мужа“; въ Никоновской лѣтописи также встрѣчаемъ добавленіе: „славныя богатыри“. Поэтому нужно думать, что это извѣстіе, варьировавшееся уже въ лѣтописяхъ XVI и XVII вв.³⁾, было занесено туда гораздо ранѣе, и въ такомъ случаѣ на него можно полагаться⁴⁾.

Но *рязанскій*⁵⁾ храбръ, сражавшійся въ дружинѣ ростовскаго князя на сторонѣ новгородцевъ, псковитянъ и смолянъ въ 1217 г., могъ попасть въ товарищи Ильи на литовскую пограничную заставу не ранѣе середины XIII вѣка. Приблизительныя хронологическія даты даютъ лѣтописныя извѣстія о заставахъ и латыголахъ. О русскихъ заставахъ противъ литовцевъ говорится подъ 1205 и 1368 гг. Написаніе „латыгола“ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ годами 1228, 1242 и 1341⁶⁾; въ русско-литовскихъ

1) Русскій Временникъ, сирѣчь лѣтописецъ. М. 1820. I, 84: „Да были со княземъ Константиномъ два храбра мужа, Добрыня златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

2) Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содержащій въ себѣ русскій исторію отъ 852 до 1598 г. М. 1781, стр. 55: „А были съ нимъ два богатыря: Добрыня Золотой поясъ, да Александръ Поповичъ слугою съ Торопомъ“.

3) Составитель такъ называемой Тверской лѣтописи, жившій въ „веси Ростовскихъ областей“ и написавшій ее въ 1534 г., завѣсь это извѣстіе въ выраженіяхъ, показывающихъ, что онъ пользовался какъ старой лѣтописью (пріуроченіе къ Липицкой битвѣ), такъ и современными ему мѣстными ростовскими сказаніями (Олешка Поповичъ--на первомъ мѣстѣ: „У князя же у Константина тогда бѣше въ полку два челоуѣка храбрыхъ: Олешка Поповичъ и челоуѣкъ его Торопъ, и Тимоня Золотой поясъ“. П. С. Р. Л. XV, стр. V, 323. ср. 337. „2 богатыря“ и въ лѣтописи Крижавича: Кир. III.

4) Что же касается извѣстія о гибели Добрыни при Калкѣ въ 1224 г., то его можно считать прибавленіемъ самого составителя Никоновскаго свода, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ не упоминается Добрыня въ числѣ погибшихъ богатырей, какъ и Тимоня, замѣнившій его въ Тверской лѣтописи.

5) Добрыня названъ Рязанцемъ лишь въ Никоновской лѣтописи при рассказѣ о Липицкой и Калкской битвахъ: П. С. Р. Л. X, 72, 92.

6) П. С. Р. Л. IV, 55; V, 222; VII, 151; X, 228; XVI, подъ 1341 г.; Софійскій временникъ, I, 258; Супрасльская рукопись, 59; Новгородская лѣтопись по Синодальному списку, 227; Древняго лѣтописца часть первая. Спб. 1771, 168.

лѣтописяхъ о „латыголъ“ упоминается до конца XIV в. ¹⁾ Написание „латыгора“ относится къ 1216 и 1341 гг. Позднѣ XIV в. названія Латыголы мы не находимъ ни въ русскихъ, ни въ латвско-русскихъ лѣтописяхъ. Стрыйковскій еще называетъ эту страну „Lotwa zep Lotligola“ (1517 г.), но другой польскій хронистъ Маттіасъ называетъ страну только „Lotwa“, жителей—„Lotwacy“ (1542 г. ²⁾). Въ русскихъ лѣтописяхъ уже подъ 1535 г. упоминается селеніе Латыгошева (вѣроятно, теперешняя Латышова, на югъ отъ Полоцка ³⁾), указывающее на тогдашнее названіе латышей—латыгоши; въ актѣ 1565 г. находимъ современное названіе латышъ ⁴⁾. Слѣдовательно, въ XV—XVI вв. названіе латыголы, такъ часто попадавшееся въ лѣтописяхъ XIII в. (подъ гг. 1200, 1228, 1242, 1264, 1286 ⁵⁾), совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ, названіе бабы-латыгорки указываетъ скорѣе всего на XIII вѣкъ. Что касается Семигорки, то является нѣкоторое затрудненіе: можетъ показаться страннымъ то, что слагателю нашей былинны было извѣстно названіе Зимиголы, племени, не упоминаемаго ни одной русской лѣтописью, кромѣ Начальнаго свода. Но дѣло въ томъ, что столкновенія съ этимъ племенемъ могли быть лишь у сосѣднихъ съ нимъ полоцанъ ⁶⁾. И дѣйствительно, составитель Начальной лѣтописи занесъ въ нее подъ 1106 г. извѣстіе о страшномъ пораженіи, которое понесли отъ Зимиголы дружины сыновей Всеслава Полоцкаго. Но полоцкой лѣтописи мы не знаемъ; извѣстія другихъ лѣтописей о Полоцкой области крайне скудны ⁷⁾. Неудивительно, что онѣ вовсе не упоминаютъ о дикомъ

¹⁾ Pomniki do dziejów Litewskich, Narbutt, 3 (до 1323 г.); Ученныя зап. II Отд. II. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 34 (1385 г.).

²⁾ Bielenstein, op. c., 28 - 9.

³⁾ Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, изд. II, 43, 344. П. С. Р. Л. VIII, 288; Русская лѣтопись по Никонову списку, VI, 5. Латыгошева Свиня (Могилевской губ.) и Осиповецъ упомянуты въ качествѣ мѣстъ Полоцкихъ, Питебскихъ и Браславльскихъ (на з. отъ Полоцка).

⁴⁾ Пальмерскій, Русско-лионскіе акты, 396.

⁵⁾ Къ указаннымъ сноскамъ можно присоединить: П. С. Р. Л. IV, 187; V, 12; XV, 350, 290, 384; Лѣтопись по Ипатьскому списку, 590; Новгород. лѣт. по Синод. сп., 178, 227, 262; Пальмерскій, op. c., 13, № XXV, а.

⁶⁾ О Латыголахъ говорятъ почти исключительно лѣтописи Пскова и Новгорода, такъ какъ она сосѣдствовала именно съ ихъ областями и входила въ сношенія только съ ними. Ср. П. С. Р. Л. IV, 183, прим. 3.

⁷⁾ Данилевичъ, op. c. стр. VII.

литовскомъ племени, жившемъ гдѣ-то далеко на лѣвомъ берегу З. Двины. Упомянувъ въ былинѣ этого племени показываетъ, что она возникла въ Полоцкой области, гдѣ и Латыгола, и Зимнгола были хорошо извѣстны. Въ XIII в. терминъ „латына“ (былинная „Латынская дорога“) былъ вполнѣ опредѣленный для западной Руси, въ которой „латинскими гостями“ называли иностранныхъ купцовъ, ходившихъ по З. Двинѣ (договоры 1229 и 1265 гг. ¹⁾). Если богатырская застава стояла на Двинѣ для защиты Полоцка отъ двухъ сосѣднихъ литовскихъ племенъ и если былина о боѣ Ильи съ сыномъ была сложена въ Полоцкой области, то время ея сложения опредѣлить нетрудно: упоминаніе Добрыни не позволяетъ отнести это время ранѣе второй четверти XIII в., а между тѣмъ полоцкое княжество вошло въ составъ литовскихъ владѣній около половины этого столѣтія ²⁾. Поэтому время возникновенія нашей быliny относится къ послѣднимъ годамъ самостоятельности Полоцкой обл.

Приступая къ статьѣ, я ставилъ своей задачей только опредѣлить историко-бытовые черты быliny, позволяющія отнести ее къ извѣстной области и эпохѣ, и не задавался цѣлью прослѣдить происхожденіе ея сюжета. Но сдѣланные мною выводы наводятъ на нѣкоторыя соображенія относительно пути, по которому пришелъ къ намъ весьма распространенный въ Европѣ и Азіи разсказъ о битвѣ отца съ сыномъ, не узнавшихъ другъ друга. Невольно является вопросъ, не пришелъ ли онъ по той самой „Латынской дорогѣ“, на которой стояла богатырская застава? Припомнимъ, что въ XIII в. Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ заключаютъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ Ригой, указывающихъ на интенсивныя сношенія, которыя вели русскія области съ о. Готландомъ, Любекомъ, Бременомъ и другими нѣмецкими городами черезъ З. Двину. Эти договоры неустанно повторяютъ, чтобы былъ „отъ Смолѣньска чистый путь до Ригы“ „смолянномъ и рижаномъ, и всимъ нѣмчемъ, по Восточному морю ³⁾ ходящимъ“, иначе „всему Латинскому языку и Руси“ ⁴⁾. Въ первой половинѣ

¹⁾ Припомнимъ, что расправа Ильи съ сыномъ происходитъ на берегу рѣки (Савать, Саватаръ, Сова, Салеа, Еерать, Днѣпръ, Черниговка, Смородина).

²⁾ Данилевичъ, *оп. с.*, 135—6.

³⁾ Т. е. по Балтійскому (Ostsee).

⁴⁾ Наньерскій, *оп. с.*, 444, 452; Собрание Госуд. Грам. и Дог. II, 4. Ср. Данилевичъ, *оп. с.*, 221.

XIII в. была сдѣлана запись позднѣйшей редакціи древне-нѣмецкой пѣсни о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ; къ этому же времени относится обработка этого сюжета, включенная въ скандинавскую Тилрексагу. Тогда же, нужно думать, сюжетъ боя отца съ сыномъ, обывавшій Германію, Нидерланды, Данію и Скандинавскій полуостровъ, проникъ въ полоцкую область и здѣсь съ большою самостоятельностью (убійство матери сыномъ) былъ обработанъ въ мѣстную былинну, рисующую отношенія русскихъ къ сосѣднимъ литовскимъ племенамъ ¹⁾.

Въ заключеніе я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно былой извѣстности Ильи Муромца въ западно-русскихъ областяхъ. Этого вопроса уже касался проф. В. О. Миллеръ ²⁾. Онъ указалъ, что въ XVI в. имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію³⁾. Истребленіе польско-литовскаго войска въ 1536 г. у города Себежа (лежавшаго на границѣ русскихъ поселеній съ Латыголой), дало поводъ приурочить къ этому городу одинъ изъ подвиговъ Ильи передъ поимкой Соловья-разбойника ⁴⁾. Но равные пересказы послѣдней былинны заставляютъ Илью выручать и другіе западные города: Смоленскъ ⁵⁾, Кряковъ ⁶⁾. Приуроченіе подвига Ильи къ Смоленску могло имѣть своей основой его осаду въ 1404 г., когда Витовтъ три мѣсяца стоялъ подъ

¹⁾ Мотивъ о западномъ пути сюжета о боѣ отца съ сыномъ держится у акад. Весселовскій, (Южно-русскія былинны, гл. IX). Трудно согласиться со словами Н. О. Миллера (Экскурсы, 143), что „нигдѣ у А. Н. Весселовскаго не просматривается мысль о заимствованіи сюжета о боѣ отца съ сыномъ“; такая мысль сама собою подразумевается: иначе, къ чему было бы такъ подробно останавливаться на германскихъ параллеляхъ къ нашей былинѣ?

²⁾ Очерки, 391—401.

³⁾ Тамъ же, 396—7. Автору осталась неизвѣстна старая (1748 г.) запись этой былинны, напечатанная въ „Живой Старинѣ“, г. IV (1894), вып. I, 80—82. Въ этомъ пересказѣ, особой редакціи, Илья освобождаетъ также Себешъ. Въ виду того, что въ старыхъ запискахъ краткой редакціи „себешской“ (царь) называется въ „себешской“ и „сибирской“, можно думать, что названіе того же города скрывается въ старыхъ запискахъ пространной редакціи въ написаніяхъ — „кеберской“ (князь), „иберской“, „ибирской“, „ибирскій“ и въ новыхъ запискахъ подъ именемъ Бежегова, Бежевова, Бекешева, Бекетовца: Рыбниковъ, т. 46; III, 17, 25, прим.; Гильбердинъ, № 56.

⁴⁾ Рыбн. II, 323 — Гильб., послѣ № 72. Ср. Киреевскій I, 41, гдѣ Илья ѣдетъ къ Соловью черезъ Смоленскія гряды.

⁵⁾ Кир., IV, 4; Гильб., № 120.

городомъ, опустошилъ его окрестности, билъ его пушками, но взять не могъ и принужденъ былъ уйти въ Литву. Краковъ попалъ въ былинѣ, вѣроятно, послѣ 1386 г., когда Литва соединилась съ Польшею и бывшая польская столица стала известна среди западно-русскихъ областей, подчиненныхъ Литвѣ. Замѣчательно, что одинъ изъ пересказовъ, упоминающихъ Кряковъ, называетъ Соловья-разбойника „Алатырцемъ некрещенымъ“¹⁾. Послѣ всего сказаннаго о бабѣ Латыгоркѣ, нетрудно догадаться, что въ этомъ укорительномъ прозвищѣ надо видѣть латыша. Старинная форма этого названія — алатырець вмѣсто латыгорець — говоритъ за то, что былина о Соловьѣ-разбойникѣ была известна въ Западной Руси еще въ XV или даже XIV столѣтіи. Наконецъ, первое прямое извѣстіе объ Ильѣ Муромцѣ (и Соловьѣ-разбойникѣ) мы находимъ въ письмѣ оршанскаго старосты (1574 г.); слѣдовательно, оно идетъ изъ той же русско-литовской области, которая входила одно время (до 1116 г.²⁾ въ составъ древней Полоцкой земли.

Эти соображенія, доказывающія былую известность главнаго русскаго богатыря въ западно-русскихъ областяхъ, мнѣ кажется, нѣсколько подтверждаютъ мой выводъ о мѣстѣ возникновенія былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Когда статья была уже набрана, мнѣ пришлось ознакомиться (лучше поздно, чѣмъ никогда) съ интересной статьей академика Веселовскаго: „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Берескомъ“, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1896, № 8. Въ т. н. „русскомъ“ эпизодѣ саги авторъ видитъ отраженіе полоцкихъ историческихъ отношеній начала XIII в. Вальдемаръ, владѣтель Holmgard'a, Полоцка и Смоленска — не кто иной, какъ полоцкій князь Владимиръ, упоминаемый съ 1186 г. и скончавшійся въ 1215 (1216). Его братъ (отъ другой матери) Піасъ, въ которомъ давно видѣли Илью Муромца, въ одномъ спискѣ саги называется „ярломъ изъ города Герсеке (af Gerseke-borg), родичемъ Владимира-конунга“. Этому списку авторъ придаетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о резиденціи Иліаса: онъ былъ

¹⁾ Киртеевскій. IV, 2.

²⁾ Данилевичъ. op. c. 20.

ярломъ въ Герцикѣ, городѣ, лежавшемъ на правомъ берегу З. Двины, на 52 версты ниже Динабурга (ср. Археологич. изв. и замѣтки 1895, № 2—3, с. 50—1). „Судя по аналогіи, остроумно замѣчаетъ авторъ, Smalenseke = Смоленскъ, Plosseke = Полоцкъ, Gerseke предполагаетъ форму *Грѣцкъ“. Далѣе онъ приводитъ извѣстіе объ изгнаніи полоцкихъ князей смоленскимъ княземъ Мстиславомъ „въ Грѣкы“, съ обычной осторожностью ограничиваясь предположеніемъ объ изгнаніи ихъ на западъ отъ Полоцка, гдѣ была Герцика и гдѣ теперь мѣстечко Царьградъ (Витебской губ.). Съ конца XII в. обнаруживается связь Смоленска съ Полоцкой землей, завершившаяся взятіемъ Полоцка смоленскими въ 1222 г.; этой связью авторъ объясняетъ взглядъ составителя саги на принадлежность обоихъ городовъ одному Владимиру. Затѣмъ авторъ приводитъ историческія свидѣтельства объ общеніи германскаго міра съ русскими областями черезъ Двину и заключаетъ отсюда о взаимодѣйствіи этихъ національностей въ области поэзіи. Особенно интересно въ этихъ замѣчаніяхъ приуроченіе Иліаса къ Герцикѣ и къ той части Полоцкаго княжества, которую лѣтопись называетъ „Грѣци“; вѣроятно, это была Герцикская волость, и ее-то германскія саги и называли Greka, Greke, Grekana land, Gricland. Устье Двины для германскаго міра было „путемъ въ Греки“ и рано могло получить это названіе, воспринятое потомъ русскими. Такое предположеніе примирило бы три западно-европейскихъ свидѣтельства объ Ильѣ: онъ былъ изъ г. Гредка (von Gerseka-borg), находившагося въ русской области (von Riuzen), которая называлась Греками (af Greka). Замѣтимъ, что и Алебрантъ, соотвѣтствующій Сокольникову нашей былины въ той редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, которая относится къ первой половинѣ XIII в., — родомъ изъ Греціи, т. е. оттуда же, гдѣ былъ ярлъ Ilias. Если Тидрексага такъ хорошо знаетъ западно-русскія отношенія (по мнѣнію акад. Веселовскаго), то можетъ быть поставленъ вопросъ: не соотвѣтствуетъ ли ея упоминаніе о герцикскомъ ярлѣ дѣйствительности? Извѣстно, что между 1205 и 1225 гг. въ Герцакѣ княжилъ Всеволодъ (Wissewolodus rex de Gersike); въ 1229 смоленскій князь прогналъ полоцкихъ князей въ Герцикскую волость; въ 1239 г. о Герцикѣ упоминается только какъ о „мѣстѣ, гдѣ было укрѣпленіе“; она уже принадлежитъ рижскому епископу, который отдаетъ половину ея волости Тев-

тонскому ордену. Если Elygas, Pias, Igon отвѣчаютъ дѣйствительному герцикскому воеводѣ (а не князю—гех—каковымъ былъ Всеволодъ), то онъ могъ владѣть ею только послѣ 1225 г. Эти факты, въ связи съ временемъ составленія саги—въ половинѣ XIII в., могутъ поставить до извѣстной степени въ хронологическія рамки разсказъ саги о томъ, что герцикскій ярлъ *покорил*ся Аттилѣ и былъ поставленъ воеводою надъ Русскимъ царствомъ.

Но что же изъ всего сказаннаго сохранила намъ былина о боѣ Ильи съ сыномъ? Несомнѣнно, она указываетъ на границу русскихъ поселеній съ Лотыголой и Зимиголой: именно такимъ пунктомъ была Герцикская волость, заключавшая въ себѣ значительную часть первой и меньшую—второй; о сношеніяхъ русскихъ съ литовскими племенами свидѣлствуетъ извѣстіе Генриха Латыша о томъ, что Всеволодъ герцикскій былъ женатъ на дочери литвина Даугеруте (подъ 1213 г.). Затѣмъ, названіе Pias'а ярломъ, воеводой, соотвѣтствуетъ названію Ильи Муромца въ двухъ моихъ записяхъ (№№ 4 и 70) „старѣйшиной“, т. е. старѣйшиной (ср. названіе Ильи у *Киртескаю*, I, 18, 92, 30: старшинушка, старѣйшій казакъ, воевода—„грудь воеводская“). Старѣйшинами назывались именно княжескіе намѣстники въ городахъ, посадники, впослѣдствіи извѣстные подъ именемъ воеводъ. Что старѣйшинами бывали родственники (въ сагѣ ярлъ—blutfreund, fœrendi князю Владимиру) князей, видно изъ Слова о Басаргѣ, сынъ котораго „по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Димитріевичю, а старѣйшинство приказа лядѣ своему Василью Кудрявому“. (*Пыпинъ*, Очеркъ лит. ист. повѣстей и сказокъ, 96—7). Выводы, къ которымъ пришелъ акад. Веселовскій, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія полоцкое происхожденіе былинны о боѣ Ильи съ сыномъ и ея возникновеніе въ первой половинѣ XIII в., давая примѣръ того, какъ изученія вопроса, начатыя съ противоположныхъ его концовъ, могутъ привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А. Марковъ.